

A black and white photograph of an open book with a pen and two roses resting on it. The roses are in the foreground, and the pen is positioned diagonally across the book's pages. The background is dark and out of focus.

ПРИЗНАКИ ЛЮБВИ

Михаил Эпштейн

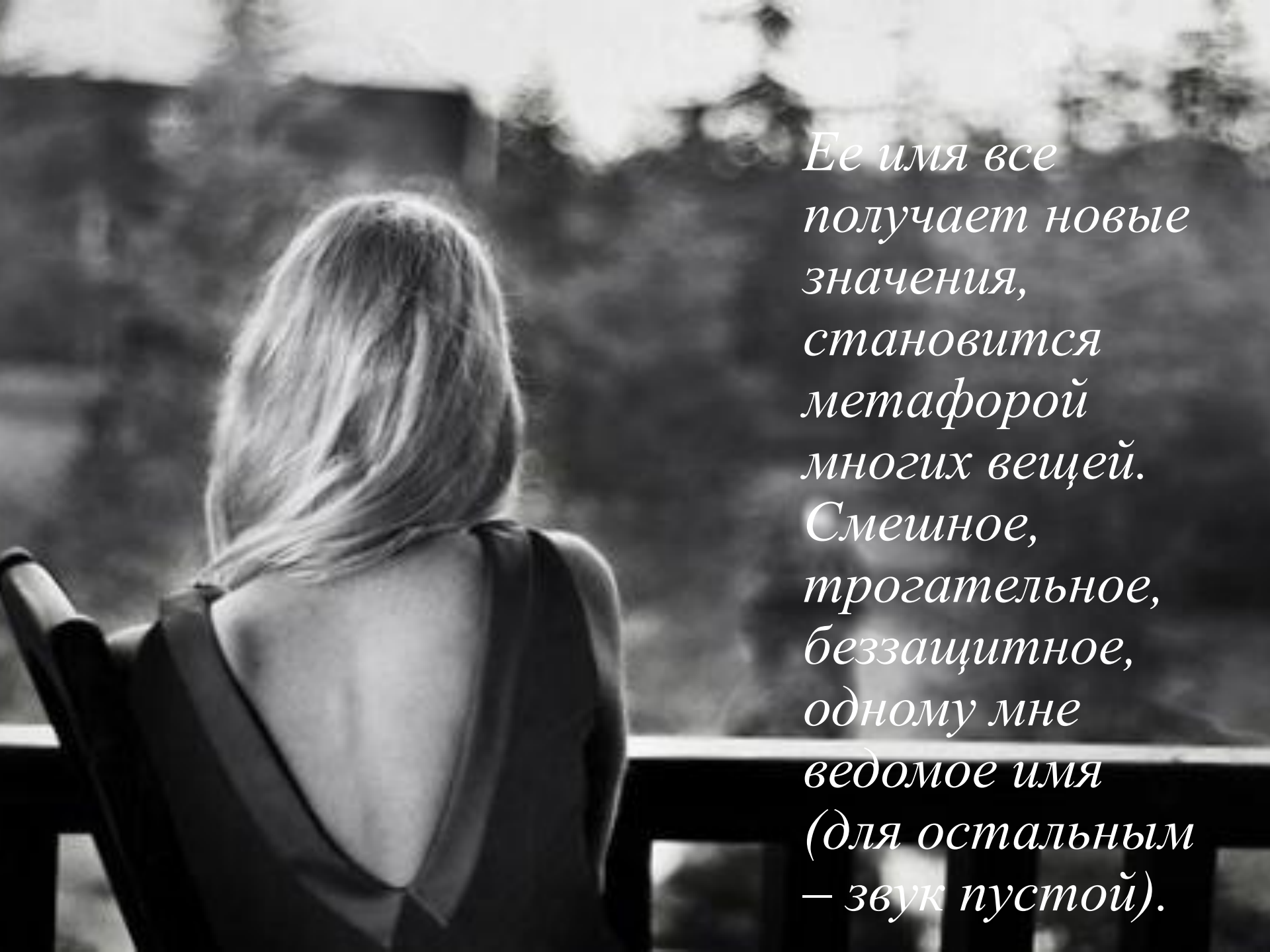
Неотступно думать о ней и ничего не придумать, кроме того, что она уже есть. Но это и есть мысль, которую можно углублять бесконечно.

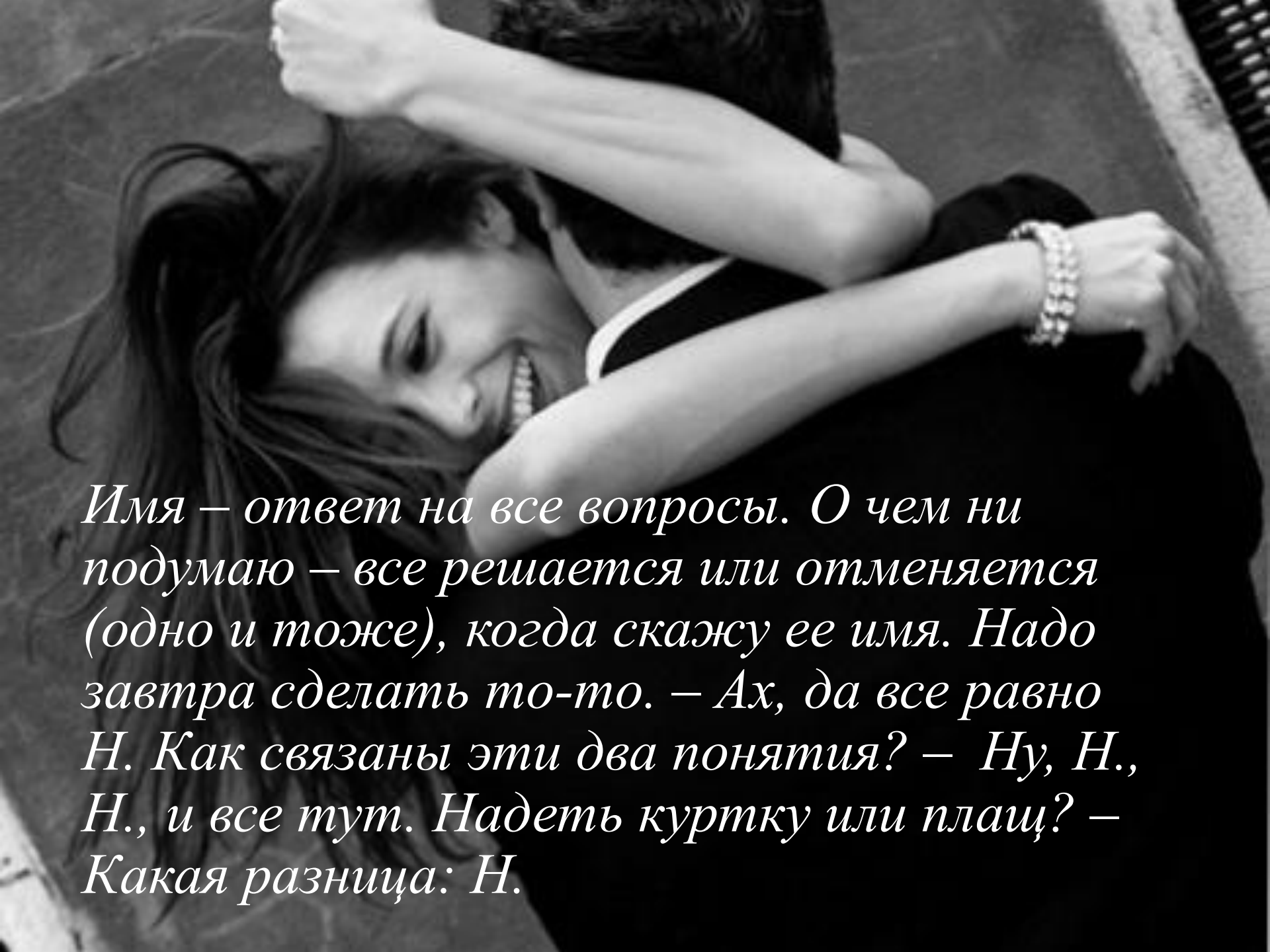
*Посреди какого-нибудь дела вдруг
забывать о том, что делаешь, и
улыбаться, к недоумению окружающих.*

*Счастье
получает
направление и
место в
пространстве,
это уже не
понятие, не
чувство,
а нечто
осязаемое —
быть
рядом.*

*Ее имя все
получает новые
значения,
становится
метафорой
многих вещей.
Смешное,
трогательное,
беззащитное,
одному мне
ведомое имя
(для остальных
– звук пустой).*

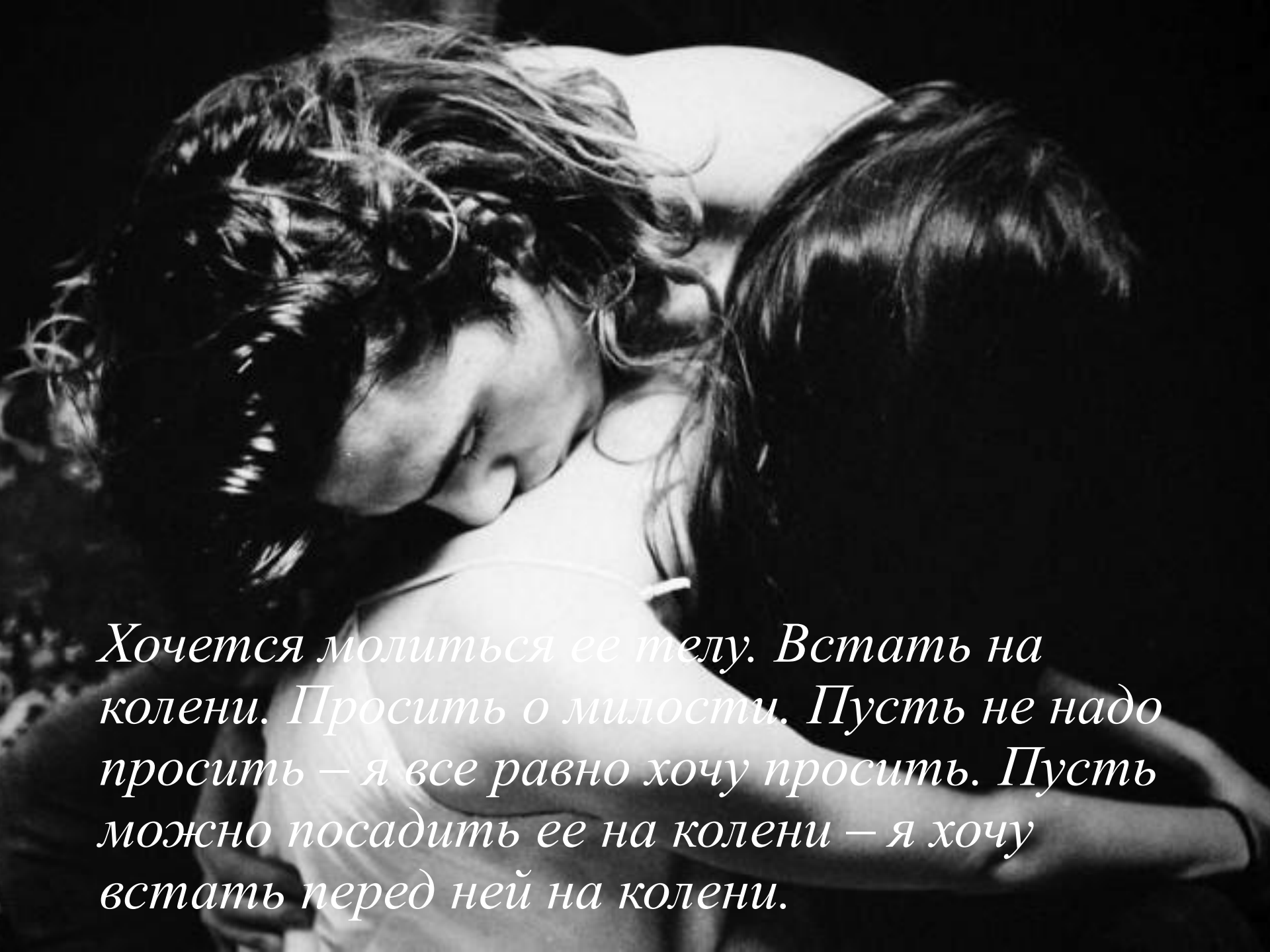
Имя – ответ на все вопросы. О чем ни подумаю – все решается или отменяется (одно и то же), когда скажу ее имя. Надо завтра сделать то-то. – Ах, да все равно Н. Как связаны эти два понятия? – Ну, Н., Н., и все тут. Надеть куртку или плащ? – Какая разница: Н.

Совершенно не помню твоего лица. Какой-то светлый туман с улыбкой. Проверяю себя: все знакомые лица помню, кроме твоего. Мистика. Где твое лицо?

*Все ее тело становится желанно, но не
больше лица, и так же светло, как лицо. И
одежда не снимается, а составляет часть
ее тела.*

Хочется молиться ее телу. Встать на колени. Просить о милости. Пусть не надо просить – я все равно хочу просить. Пусть можно посадить ее на колени – я хочу встать перед ней на колени.

*Хочется знать,
какой она
бывает
сердитой,
печальной,
углубленной в
себя, как она
болеет, как
смотрит на
себя в зеркало.
За всем этим
хочется
следить
бесконечно
долго.*

*Рассказывать
всю свою жизнь
и удивляться,
как долго ее
не было
в ней.*

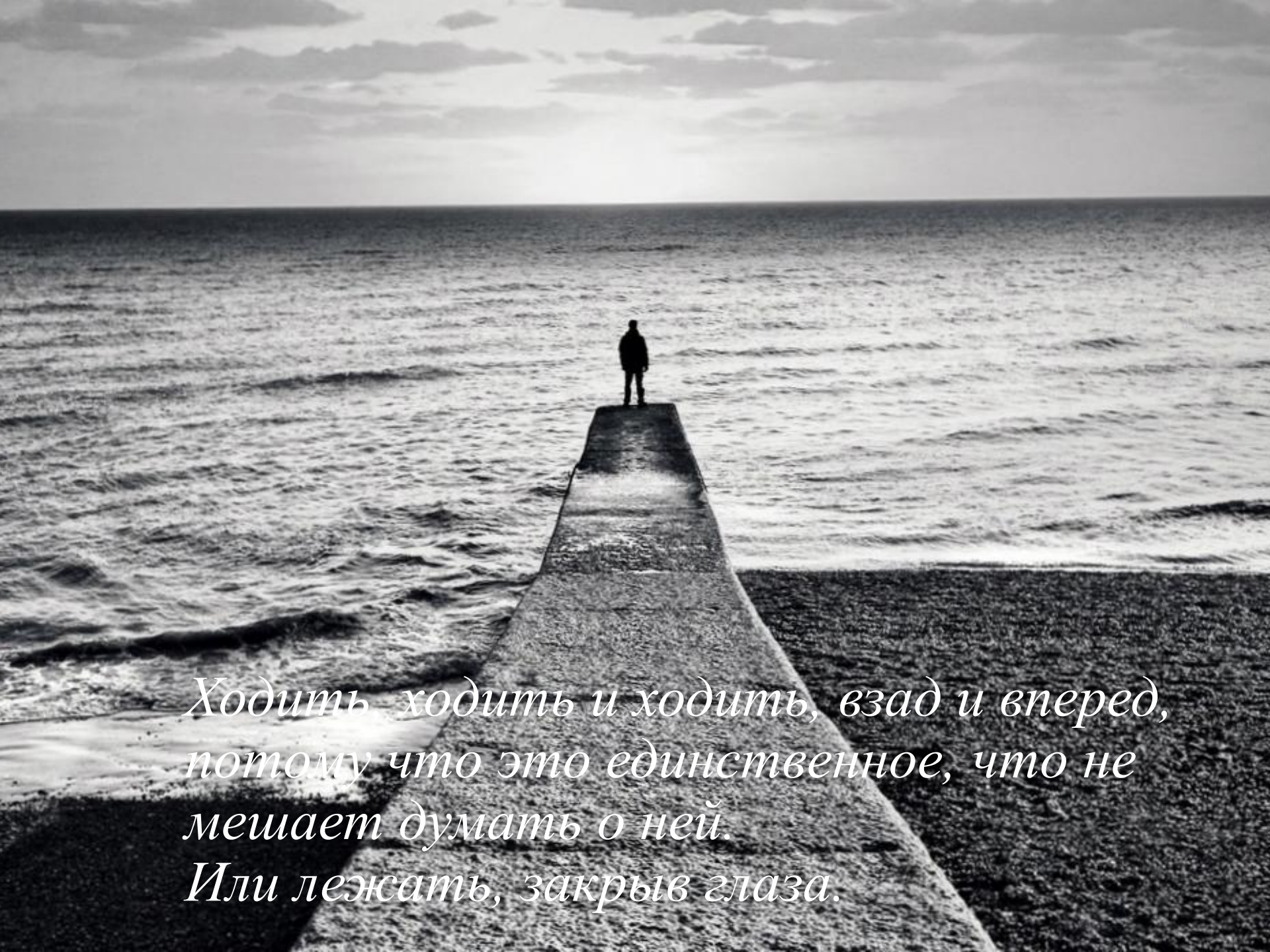

*Хотеть ее всю, с ее судьбой,
воспоминаниями, пустяками, звоном
кухонной посуды, — все это охватить
руками, взять в кольцо.*

Сделать ее хозяйкой каких-то своих вещей, привычек, знакомств, отношений, чтобы она определяла нужное и ненужное. Чтобы она читала и правила твои рукописи и обязательно была бы чем-нибудь недовольна, и ты испытывал вину и старался исправить.

*Ходить, ходить и ходить, взад и вперед,
потому что это единственное, что не
мешает думать о ней.
Или лежать, закрыв глаза.*

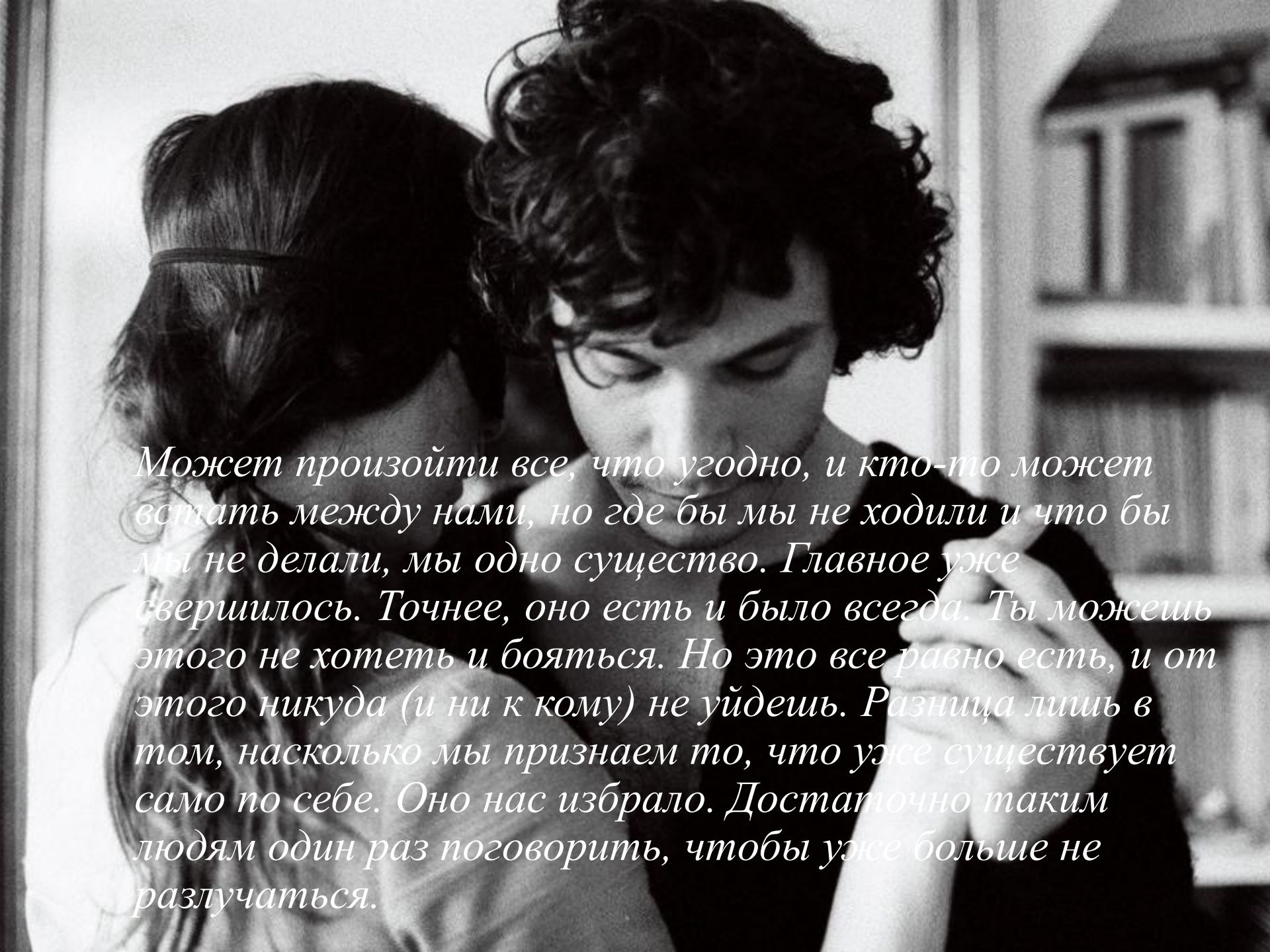
*Говорить с ней прежде, чем обнимать, и
обнимая, говорить, говорить, говорить.
Молчание оставить на потом.
Признаться в любви прежде самой любви.*

Особенно любить какую-нибудь частичку, складку, краешек, локоть, сгиб руки, сосредоточить на нем ласку, чтобы удовлетвориться в полной ее принадлежности мне, чтобы все в ней стало малым и осязаемым.

В тебе я нашел то, что можно всегда хотеть, чем нельзя насытиться. Я раньше не представлял себе, что такое как ты, может иметь плоть.

Может произойти все, что угодно, и кто-то может встать между нами, но где бы мы не ходили и что бы мы не делали, мы одно существо. Главное уже свершилось. Точнее, оно есть и было всегда. Ты можешь этого не хотеть и бояться. Но это все равно есть, и от этого никуда (и ни к кому) не уйдешь. Разница лишь в том, насколько мы признаем то, что уже существует само по себе. Оно нас избрало. Достаточно таким людям один раз поговорить, чтобы уже больше не разлучаться.

Я волнуюсь и в тоже время спокоен, потому что мне не нужно тебя завоевывать и что-то самому решать. Это уже случилось и решено не нами. «Не нами» – вот чем отличается это от своих подобиий. И потому я не ревную. То, что в тебе мое, и то, что во мне твое, не может принадлежать кому-то другому. Оно наше. И через сто лет оно останется таким же, как сейчас. Я люблю тебя чем-то бессмертным в себе.

